

W. Wysoczański. Językowy obraz świata w porównaniach zleksykalizowanych. Na materiale wybranych języków. (= Acta Universitatis Wratislaviensis № 2888). Wrocław: Wydawnictwo Uniwersytetu Wrocławskiego. 2006. 402 s.

Последние два десятилетия в лингвистике прошли, как известно, под знаком поисков так называемой «языковой картины мира», с мощным упором на постижение национальной специфичности лексики и фразеологии. Тон в этих поисках задавали труды двух известных польских лингвистов – Е. Бартминьского и А. Вежбицкой. Не случайно поэтому и рецензируемая монография «Языковая картина мира в лексикализованных сравнениях» принадлежит перу исследователя Вроцлавского университета Владимира Высочаньского. Исходя из концепций своих предшественников, автор сосредоточил свои усилия на одном из самых динамичных и по образности прозрачных блоков языковой системы – славянских и европейских языковых сравнениях. Уже сам выбор материала для когнитивного «просвечивания» весьма удачен, ибо компаративы во всем многоцветии передают как своеобразие, так и общие особенности культуры.

Весьма разумно автором избраны для фронтального исследования не все языки необъятной Славии, а типичные «репрезентанты» всех трех языковых групп: восточнославянской

(русский), западнославянский (польский) и южнославянской (сербский/хорватский). Сравнения этих языков исследуются последовательно, педантично и детализировано – с достаточно широким подключением не только материала литературных языков и разговорной речи, но и диалектизмов и фольклоризмов. Но и читатель-славист, и лингвист, интересующийся фразеологией неславянских языков, найдет в книге В. Высочаньского апелляции ко многим другим языковым пространствам. Кроме немецкого, французского, английского, автор оперирует и оригинальными примерами из болгарского, кашубского, голландского, грузинского, греческого, итальянского, молдавского, румынского, абиссинского, арабского, египетского, калмыцкого, малайского, персидского, турецкого, чувашского, индийских, африканских и других языков (с. 32–33 и др.). И такие параллели – пусть и весьма далекие от избранной для конкретного анализа языковой «троицы», помогают объективно оценить квоту общего и индивидуального, типологического и генетического, активного и пассивного в избранном компаративном массиве. Более то-

го, такой фронтальный анализ дает автору серьезные аргументы для пересмотра основополагающей традиционной «троичной» классификации современных языков. Вместо нее В. Высочанский предлагает двучленное распределение славянских языков, основанное именно на принципе отражения языковой картины мира в зеркале сравнений, а именно – *Slavia Latina*, к которой относится Польша и Хорватия, и *Slavia Orthodoxa*, к которой относятся Россия и Сербия (с. 359). Композиция рецензируемой книги полностью отражает ее нацеленность на реконструкцию языковой картины мира. В ее 1-й части – «Сравнение. Языковая картина мира» (с. 19–87) рассматриваются собственно фразеологические проблемы, относящиеся к устойчивым сравнениям как языковым единицам: терминологическая интерпретация компаративов, их классификация, соотношение с другими воспроизводимыми единицами, формальная и семантическая структура, вариантность, синонимия и т.д. Особо освещены разные аспекты отношения компаративов к языковой картине мира – гносеологические проблемы соотношения языка, мышления с действительностью, языковой и культурный релятивизм, наивная и научная языковая картина мира, прототипы в языковой картине мира, стереотип как знак языковой картины мира.

2-я, весьма объемная часть книги (с. 89–349) представляет собой детализированную аналитическую классификацию идеографических блоков, покрываемых устойчивыми сравнениями анализируемых языков. Во многом эта классификация опирается на языковой материал, представленный в монументальном словаре народных стереотипов под ред. Е. Бартминьского [*Słownik stereotypów* 1996; 1999], что подчеркивается неоднократно самим автором монографии (с. 91, 92 и др.). Показательно, что несмотря на определенную избирательность семантики устойчивых сравнений и их коннотативную маркированность, они практически покрывают всю дробную сетку этой «картинной» классификации. Вот лишь самые общие ее рубрики в компаративном освещении:

I. ПРИРОДА.

1. Космос, атмосферные явления: 1.1. Мир: 1.1.1. Небо. 1.1.2. Земля. 1.1.3. Вода.

2. Растения.

3. Животный мир.

II. ЧЕЛОВЕК.

1. Индивидуально-личностный масштаб: 1.1. Представители человеческого рода. 1.2. Сфера «телесности». 1.2.1. Строение тела. 1.2.2. Внешний вид. 1.2.3. Рождение, жизнь. 1.2.4. Функции, состояние тела, восприятие, чувства. 1.2.5. Еда, питье. 1.2.6. Одежда, обувь. 1.2.7. Чистота, гигиена. 1.2.8. Здоровье, болез-

ни, физические недостатки. 1.2.9. Смерть. 1.3. Сфера психики и ума. 1.4. Наука о природе мира, познание мира.

2. Общественная организация человеческой жизни. 2.1. Отношения между людьми. 2.2. Имущественное состояние. 2.3. Нарушение морально-этических норм, преступление и наказание. 2.4. Социальная структура и общественная деятельность. 2.5. Трудовая деятельность. 2.6. Традиционные сферы деятельности человека. 2.7. Военное дело. 2.8. Транспорт. 2.9. Урбанизация и индустриализация. 2.10. Образование, наука, воспитание. 2.11. Искусство, творческая и культурная деятельность. 2.12. Обычай, обряды.

III. БОГ, ВЕРА, ПОВЕРЬЯ, РЕЛИГИЯ.

1. Бог, боги, божества.

2. Сферы мира в поверьях, религиях: 2.1. Посторонний мир. 2.2. Небо. 2.3. Рай. 2.4. Ад. 2.5. Иные мифологические, сказочные существа.

3. Вера, религия: 3.1. Вера, символы веры, открытые истины, догматы. 3.2. Библейские персонажи. 3.3. Основатели религии. 3.4. Приверженцы религии, апостолы, атеисты, иноверцы. 3.5. Святые. 3.6. Религиозные тексты, канонические молитвы. 3.7. Литургия, праздники, религиозная практика. 3.8. Предметы литургии. 3.9. Церковная иерархия. 3.10. Вспомогательные церковные учреждения. 3.11. Религиозные сообщества и монашеская жизнь монастырей.

Как видим, основная часть книги В. Высочанского является весьма ценной самостоятельной лексикографической разработкой славянских устойчивых сравнений по идеографическому принципу. Теперь, когда – параллельно с рецензируемой монографией – в свет вышли достаточно обширные словари устойчивых сравнений чешского [*SČF* 1983], русского [Мокиенко 2003; Мокиенко, Никитина 2007] и восьми славянских языков [Fink-Arsovski 2006], построенные по алфавитно-стержневому принципу, можно перейти к комплексному анализу славянских компаративов на новой основе.

Нужно подчеркнуть, что именно углубление в конкретный языковой материал и прекрасное знание многих языков автором рецензируемой книги, как это ни парадоксально, дает – во всяком случае имплицитно – весьма ценную аргументацию для критики упрощенно понимаемой концепции языковой картины мира. Многие лингвисты, особенно русисты, увлеченные этой концепцией, склонны переоценивать собственно национальную специфику языковой картины мира, конструируя гипертрофированные характеристики «загадочной русской души», фаталистичности и патриархальности русского менталитета и т.п.

Последовательное сопоставление русского и инославянского языкового материала, как правило, существенно корректирует их [Мокиенко, Николаева 2002]. В книге В. Высочаньского находим весьма ценные и убедительные языковые аргументы такого рода. Так, ряд славянских сравнений с компонентом *баба* – (*pleść jak stara baba, brbljati kao stara baba, zachciało się jak starej babie terek* и др. – с. 198–199) красноречиво свидетельствует об определенной переоценке В.Н. Телией «чисто русской» негативной коннотативности этого слова и соответствующей фразеологии и паремиологии [Телия 1996: 231, 246, 262–268], а наличие целого «каскада» вульгарных и обценных компаративов в западнославянских и южнославянских языках (*glup kao guzica, ćelav kao guzica, ciemno jak w dupie u Murzyna, bulczy jak rzić w wodzie* и др. – с. 204) демонстрирует относительность известного тезиса А. Вежбицкой о повышенной «скатологичности» русской культуры [Вежбицкая 1996: 79–83].

Нужно подчеркнуть, что В. Высочаньский, принимая и последовательно придерживаясь основных кредо концепции языковой культуры мира, достаточно часто развивает ее именно в сторону акцентировки универсализма или, во всяком случае, реальной соположенности наблюдаемых закономерностей. Таковы выводы о структурировании формы компаративов в сопоставляемых языках (с. 23 и сл.), о структуре их значения (с. 33, 52 и др.), об универсальном взаимодействии сравнения и метафоры в разных языках (с. 31, 33 и др.), о синонимических парах (с. 60, 66 и др.), о типологии коннотаций сравнительных оборотов (с. 130, 135, 153 и др.), о количественном различии анимализмов в составе компаративов разных языков (с. 351) и др. Убедительно обоснован итог исследования – «устойчивые сравнения типа “X как Y” в качестве одного из способов конкретизации сходства представляют собой важную языковую категорию, всесторонне и глубоко отражающую взаимосоотносимость экстралингвистического и языкового мира» (с. 359). Несомненно, что лингвистические результаты, полученные В. Высочаньским, будут способствовать объективной теоретической и практической коррекции некоторых положений концепции языковой картины мира и, хочется надеяться, дадут новый импульс к ее межславянскому исследованию.

Сама языковая «материя», избранная польским исследователем для анализа, подсказала ему и немало объективных констатаций, значимых для славянской фразеологии вообще. Автор справедливо во многих местах книги подчеркивает такие категориальные свойства семантики устойчивых сравнений, как экспрес-

сивность (с. 53, 56 и др.), оценочность и эмоциональность, имеющие преимущественно негативную направленность (с. 61–63 и др.). Весьма внимательно изучив опыт анализа Е.К. Николаевой так называемых **интенсивов**, которые в сфере компаративов во многом объясняют диффузность семантики, В. Высочаньский не только удачно оперирует этим понятием (с. 25, 44, 46–47 и др.), но и предлагает распределение славянских компаративов по степени интенсификации (с. 49–51). Не упускаются из виду и такие свойства компаративной семантики, как потенциальная способность порождать каламбурный эффект (с. 58, 345, 348 и др.). Корректно анализируется в монографии и вариантность (особенно лексическая) компаративных оборотов (с. 64–66 и др.), – причем не только в их «рутинном», моделированном проявлении, но и в виде окказионализмов достаточно полно представленных (с. 216, 313 и др.).

Самоценен, богат и ярок конкретный материал, который собран, систематизирован и введен в научный оборот В. Высочаньским. Этот материал количественно и качественно уравновешен, что уже само по себе нелегко при различных традициях описания компаративов в лексикографии разных славянских стран. Такая «уравновешенность» стала возможной благодаря самостоятельным поискам автора, заставившим его выйти за пределы литературных языков и обратиться к разговорно-просторечной и диалектной стихии. Народная речь широко представлена во всем корпусе книги яркими примерами пословично-поговорочных компаративов – ср. русск. *Молва что ветер: сама в окно лезет* (с. 96); *тощ как хвощ: живёт тоненько, да помаленьку* (с. 112); *гол как сокол, а остёр что бритва* (170); *противна как нищему гривна* (с. 262); *за добрым мужем как за городом, за худым мужем и огородища нет* (с. 310). Такого же рода примеры характерны и для польского и сербского/хорватского материала. Как мы уже видели, автор весьма часто обращается и к вульгаризмам типа *спешит, будто его черти за задницу кусают* (с. 336), что ярко подтверждает экспрессивность семантики славянских компаративов. Конечно, учитывая еще недавнюю табуированность соответствующей лексики и фразеологии, в этой «материальной» сфере исследования можно обнаружить лакуны – в частности, «гендерного» характера. Так, русск. *молчать как пизда* в книге приводится (с. 204), а *стоять как хуй* ‘о стоящем неестественно выпрямленной, жесткой позе человеке’ [Мокиенко, Никитина 2003: 366] – нет. Такие лакуны, впрочем, сторицей компенсируются как свежими «приличными» новыми оборотами типа *нужно как щучке (щуче) зонтик* (с. 179) или

глухо как в танке (с. 304), которые свидетельствуют о блестящем знании В. Высочанским современного русского и славянского узуса. Некоторые же лакуны свидетельствуют о научной деликатности автора книги. Так, в ряду европейских сравнений с компонентом-этнонимом (с. 59) автор включает относительно редкое и семантически специализированное французское сравнение *boire comme un Suisse* 'пить в одиночку, не приглашая других' (букв. пить как швейцарец), не упоминая «рекордсмена» в этом ряду – *boire comme un Polonais* 'пить как сапожник, пить мёртвую' (букв. 'пить как поляк').

Следует подчеркнуть, что именно благодаря количественной и качественной пропорциональности анализируемого материала В. Высочанскому удалось проследить параллелизм многих компаративов в сопоставляемых языках. Ср. такие типичные примеры, как русск. *ругаться как извозчик* – серб./хорв. *psovati (клети) као кочијаш* (с. 309), польск. *imieć coś jak tabliczkę mnożenia* – русск. *знать что как таблицу умножения* (317), польск. *stać jak rosąg*, русск. *стоять как статуя*, серб. *stajao je nepomično као статуа*, хорв. *stati као kip* (с. 319) и мн. др. Фронтальное сопоставление, проводимое корректно и даже педантично, помогло автору весьма объективно представить картину совпадений и различий в системе устойчивых сравнений сопоставляемых языков. В итоговой части книги (с. 355–357) дается статистика таких соответствий и несоответствий, которая алгебраически точно отражает общеславянское, межславянское и специфично национальное в данном языковом материале.

В. Высочанский пытается также выявить и некоторые лакуны анализируемых им полей в отдельных языках. Так, по материалам автора, в русском языке не представлен тематический круг «Пивоварение» (с. 283), что не кажется верным уже потому, что соответствующая реальность издревле была на Руси актуальной (см., например, статью «Братчина» в словаре «Славянские древности»). Вот лишь небольшой список паремий с компонентом ПИВО из «Большого словаря русских народных сравнений» [Мокиенко, Никитина 2007], восполняющих соответствующую лакуну:

брюзжать (брюжжать) как худое пиво. Народн. Неодобр. О постоянно ворчащем, брюзжащем человеке.

брюзжать (брюжжать) как худое пиво в брюхе. Народн. Неодобр. То же, что **брюзжать как худое пиво.**

брюзжать (брюжжать) как худое пиво из бочонка. Народн. Неодобр. То же, что **брюзжать как худое пиво.**

брюзжать (брюжжать) как худое пиво у афендрона. Народн. Неодобр. То же, что **брюзжать как худое пиво.** (XVIII в.).

квас как пиво. Пск. О хорошо заквашенном, приятном на вкус квасе.

(гулять) как чёрт пиво варит см. Чёрт.

настой как пиво хорошее. Арх. Одобр. О густом пахучем сенном настое.

Наука не пиво: в рот не возьмёшь. Посл. Олон., Краснояр. Практическая польза науки неоднозначна.

Наука не пиво: в рот не вольёшь. Посл. То же, что **Наука не пиво: в рот не возьмёшь.**

Это недолго: не пиво варить, не вино курить. Народн. О чём-л., что можно сделать быстро.

словно пивом напоил, как рублём подарил. Народн. Одобр. О человеке, поступившем с кем-л. очень хорошо или сказавшем что-л. приятное.

В. Высочанскому удалось также выявить и некоторые лакуны анализируемых им полей в отдельных языках.

Существенным элементом конкретного анализа польского материала являются и подстрочные комментарии к отдельным оборотам, лексический стержень которых затемнен или неизвестен носителям языка. Здесь автор опирается на солидную традицию паремнологических комментариев, созданную в Польше преимущественно этнографами и фольклористами.

Оперативной ориентации в богатом конкретном материале книги помогает индекс стержневых компонентов польских компаративов (с. 381–402), который, пожалуй, является прототипом будущего сводного их словаря. Многоаспектное же обобщение этого материала сделано не только в последовательном его анализе в соответствующих частях монографии, но и в лапидарных классификациях. Таковы, например, классификации компаративов по признаку градуальности/неградуальности (с. 24 и сл.), по типу фразеологичности (с. 30–31) и мотивированности (с. 44), распределение анималистических оборотов по взаимосоотнесенности их компонентов (с. 352) и мн. др. В. Высочанский развивает и детализирует некоторые традиционные классификации – например, «классическое» распределение фразеологизмов на «натуральные и конвенциональные» (с. 43 и сл.), предложенное на Международном конгрессе славистов 1958 г. в Москве Ст. Скорупкой.

В капитальном исследовании В. Высочанского нелегко найти мишень для критики, обязательной при рецензировании любого труда. Можно лишь высказать отдельные замечания уточняющего характера.

Объективное состояние изученности славянской компаративной фразеологии пока еще не позволяет полностью уравновесить реальные данные разных языков при их сопоставлении. Это, между прочим, отразилось и на словнике восьмизычного словаря славянских сравнений, изданном в Загребе [Fink-Arsovski 2006]. Не могло оно не сказаться и на отдельных наблюдениях автора рецензируемой книги. Отсюда – впечатление о большей лакунности материала одного языка по сравнению с другим. Так, давая сравнения с компонентом «мак» (с. 116), В. Высочанский приводит 17 польских оборотов (*drobny jak mak, ludzi jako maku, jakby się w korcu maku szukali* и др.) и всего лишь один – русский (*как маком усыпано*). Количественная диспропорция налицо, что влечет за собой и вывод о суженном семантическом диапазоне соответствующего концепта «Мак» и его слабой представленности в русской языковой картине мира. Однако в реальной русской народной речи, отразившей этот концепт, находим не только значительно большую палитру оборотов, чем в польском, но и весьма значимый для «картинной» представленности семантический ее диапазон. Такого рода материал (расшифровка источников которого не приводится лишь с целью экономии места) представлен в новейшем тезаурусе русских компаративов [Мокиенко, Никитина 2007]:

(веснушчатый) **как мак посеян по лицу у кого**. Пск. О веснушчатом или рябом человеке. СППП 2001, 104.

(земля) **как мак**. Одобр. 1. Пск. О покрытой красными ягодами (напр., земляникой) поверхности земли. КПОС. 2. Волог. О красивой, ровной, плодородной почве. СВГ 3, 95.

как (як) мак таўкці. Смол. Ирон. О суетящихся, бесцельно копошащихся где-л. людях. < Сравнение основано на обороте **комары мак таўкуць** – о снующих комарах. Добр., 75.

мак маком пришло. Пск., Твер. Фолькл. Становиться, стоять столбом (в хороводной игре). СРНГ 17, 306.

мельенький как мак. Пск. О чем-л. очень мелком. СППП 2001, 104.

(рябый) **как мак посеян (по лицу) у кого**. Пск. То же, что (веснушчатый) **как мак посеян (по лицу) у кого**. КПОС.

(цветуха) **как мак**. Смол. О красной сыпи на теле. < **Цветуха** – сыпь на теле. ССГ 11, 77.

(чёрный и рассыпчатый) **как мак**. Пск. Об очень чёрной и рассыпчатой почве. СППП 2001, 104.

как (словно, точно) [слепым] маком обсеян. 1. Курск. Об околдованном, замороженном, находящемся в трансе человеке. СРНГ 22, 232.

2. Смол. О человеке, на которого нашло помрачение рассудка, ослепление. СРНГ 24, 22.

как маком усыпано (усеяно). Народн. 1. О чем-л. мелком, густо покрывающем какую-л. поверхность. Д. 4, 518. 2. О мелком, бисерном почерке, мелких буковках. Д. 2, 291; Мих., 311; SČF, 47.

рассыпаться/рассыпаться маком [перед кем]. Пск. Шутл.-ирон. Говорить любезности, давать обещания кому-л. СППП 2001, 104.

чего как маку. Кубан. О большом количестве кого-л., чего-л. Чалов 1982, 16.

кого как (словно) маку насеяно. Народн. О множестве народу. ДП, 551.

словно маку насеял. Народн. Шутл. О чем-л. мелком письме. ДП, 420.

Число такого рода сравнений несколько увеличено и за счет учета специфичных для русского языка сравнений со структурой Творительного сравнения типа *сидеть маком* (к сожалению, не отраженных в рецензируемой книге). Разумеется, при более детализированном погружении в народную польскую речь и новая «диспропорция» в пользу русского материала будет преодолена. Вот почему исследователь всегда должен учитывать относительность статистических соотношений сопоставимых языков и оговаривать их. Столь же относителен, пожалуй, и вывод автора книги о грамматической представленности женского рода преимущественно в польских сравнениях – напр., *dziewczyna jak rzepa, głupia jak indyczka, dziewczyna jak iskra* и т.п. (с. 39). Реальность русской (и, вероятно, сербской и хорватской) народной речи показывает и здесь относительную сбалансированность этого признака, поскольку важнее – общая для европейских языков гендерная нацеленность на мужской род.

Увлеченный поисками максимально полного материала для сопоставительного анализа компаративов, В. Высочанский иногда включает в корпус последних и единицы другого типа – т. е. не относящегося к модели «X как Y», например: *Каково стукнешь, таково и отзовется* (с. 247), *должно жить, как Бог велит* (с. 328), *казённый мужик живёт, как Бог велит* (с. 329), *на месяце видно, как Каин Авеля вилами убил* (с. 342), *быть делу так, как пометил дьяк* (с. 349).

Для русского материала весьма симптоматичен и некоторый разнобой в написании сравнений, весьма точно отраженный в рецензируемой книге. Близкие по структуре и семантическому типу обороты пишутся здесь то с запятой, то без запятой, например: *летел, как ангел*, *а упал, как чёрт* – *выглядеть как ангелочек* (с. 331); *попал как чёрт в рукомойник*, *вертит как чёрт в пучине* – *правит, как чёрт болотом* (с. 335), *носиться как чёрт*, *бежать*

от кого как чёрт от ладана, насунуться как чёрт – глядит на меня, как чёрт на попа, упрямя, как карамышевский чёрт, боится, как чёрт ладану (с. 336), вертит, как леший в уйме – вкалывать как карлик на водокачке (с. 338), житьё, как попадье за попом (с. 348) – жить как анахорет (с. 349) и т.п. При столь массивной подаче материала особо видна непоследовательность и нелогичность регламентаций, налагаемых правилами русской пунктуации при написании устойчивых сравнений. Критерии здесь крайне субъективны, равно как и использование этих правил пишущими. Вот почему в «Словаре сравнений русского языка» [Мокиенко 2003] была сделана попытка полной унификации традиционных правил с ориентацией на общеевропейскую модель – аналогичную польской, сербской, хорватской, чешской и др.

Наконец, можно отметить и мелкие недочеты: в выражении *реветь как белуга* имеется в виду не рыба (как утверждает автор – с. 179–180), а *белуха* – ‘полярный дельфин, якобы способный реветь’ (см. [Бирих, Мокиенко, Степанова 2005: 48]); оборот *у него ножки как сошки* ошибочно отнесен автором к «военной» группе сравнений (с. 304), хотя он явно «мирного», крестьянского происхождения; оборот *один блестит как мишура, другой блистает как солнце* (с. 327) прямо не соотносится с погребальными обрядами, к семантике которых причисляет его В. Высочанский. Можно было бы несколько пополнить в целом весьма солидный список библиографии на компаративную тему, например, работами М. Банько [Bańko 2004], Фр. Чермака, Ф.М. Янковского, О.С. Юрченко, А.А. Ивченко, Г.М. Добролѣжи, М.М. Пазяка, Н.А. Смоляковой и др.

Отмеченные недочеты, однако, незначительны на фоне многотрудно добытых научных результатов. В. Высочанский не только убедительно продемонстрировал эффективность фронтального межславянского сопоставления на европейском языковом фоне, но и значительно конкретизировал (resp. сузил) круг собственно национальных маркеров языковой картины мира трех славянских языков. Компаративная мозаика созданной им фрески ярка и пластична, как и вся архитектоника живой славянской речи. Книгу польского исследователя и по масштабам охваченного языко-

вого материала, и по глубине его теоретической разработки можно без преувеличения назвать энциклопедией славянских компаративов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бирих, Мокиенко, Степанова 2005 – А.К. Бирих, В.М. Мокиенко, Л.И. Степанова. Русская фразеология. Историко-этимологический словарь. Около 6000 фразеологизмов / Под ред. В.М. Мокиенко. 3-е изд., испр. и доп. М., 2005.
- Вежбицкая 1996 – Анна Вежбицкая. Язык. Культура. Познание / Пер. с англ. Отв. ред. М.А. Кронгауз, вступ. ст. Е.В. Падучевой. М., 1996.
- Мокиенко 2003 – В.М. Мокиенко. Словарь сравнений русского языка. СПб., 2003.
- Мокиенко, Никитина 2003 – В.М. Мокиенко, Т.Г. Никитина. Словарь русской брани: матизмы, обсценизмы, эвфемизмы. СПб., 2003.
- Мокиенко, Никитина 2007 – В.М. Мокиенко, Т.Г. Никитина. Большой словарь русских народных сравнений. СПб., 2007.
- Мокиенко, Николаева 2002 – В.М. Мокиенко, Е.К. Николаева. Интернациональный фонд русской фразеологической картины мира // *Rossica Olomucensia*. XL (za rok 2001). 1. Část. 2002.
- Телия 1996 – В.Н. Телия. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М., 1996.
- Bańko 2004 – M. Bańko. Słownik porównań. Warszawa, 2004.
- Fink-Arsovski 2006 – Ž. Fink-Arsovski. Rječnik hrvatsko-slavenske poredbene frazeologije. Zagreb, 2006.
- SČF 1983 – Slovník české frazeologie a idiomatiky. Přirovnání / Red. Fr. Čermák, J. Hronek, J. Machač. Praha, 1983.
- Słownik stereotypów 1996; 1999 – Słownik stereotypów i symboli ludowych / J. Bartmiński. (red.). T. I. Kosmos. [Cz. 1]; Niebo. Światła niebieskie. Ogień. Kamienie. [Cz. 2]; Ziemia, woda, podziemie. Lublin, 1996; 1999.